

Александр Савин
Ирина Кушнир
Валентина Гуляева
Галина Шарипова

Гуранская завалинка

Рассказы и стихи

Александр Савин

**Гуранская завалинка.
Рассказы и стихи**

«Издательские решения»

Савин А. К.

Гуранская завалинка. Рассказы и стихи / А. К. Савин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906850-7

Дорогой наш друг читатель, открыв этот сборник ты познакомишься с нашей творческой группой, с нашими рассказами. Попадешь в мир удивительного, босоногого детства, жизненных ситуаций, почувствуешь любовь и переживание героев. Рассказы наши наполнены то веселым юмором, то грустными сюжетами жизненных неурядиц. Почти трагическая жизнь наших героев в конце рассказа заканчивается хорошо. Читатель вместе с героями переживает, страдает, радуется и любит. Все истории взяты из жизни.

ISBN 978-5-44-906850-7

© Савин А. К.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	7
Ирина Кушнир	7
Васильки в пшеничном поле	7
Заочница	9
Будем жить!	11
О чем молчала собака	12
«Зависть»	14
Валентина Гуляева	17
Вернулась к жизни	17
Зеленая папка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гуранская завалинка

Рассказы и стихи

Александр Кириллович Савин
Ирина Кушнир
Валентина Гуляева
Галина Шарипова

© Александр Кириллович Савин, 2018

© Ирина Кушнир, 2018

© Валентина Гуляева, 2018

© Галина Шарипова, 2018

ISBN 978-5-4490-6850-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой наш друг читатель!

Открыв этот сборник ты познакомишься с нашей творческой группой – Савин А. К., Гуляева В. А., Кушнир Ирина, Шарипова Г. А., – с нашими рассказами.

Попадешь в мир удивительного, босоногого детства, жизненных ситуаций, почувствуешь любовь и переживание героев. Рассказы наши наполнены то веселым юмором, то грустными сюжетами жизненных неурядиц. Они как правило заставляют читателя задуматься о смысле жизни и печальной любви молодой девушки. Почти трагическая, жизнь наших героев в конце рассказа заканчивается хорошо. Читатель вместе с героями переживает, страдает, радуется и любит. Все истории взяты из жизни. Гуляева В. познакомит вас с творчеством первого поэта Забайкалья Федора Бальдауфа, а также о том как русские люди осваивали Забайкальский край.. Некоторые ее произведения были помещены в газете» Даурская Новь» в 1996 году.

Савин А К – поэт и писатель, В этом ты дорогой наш читатель убедишься сам, когда прочтешь его. несколько стихов, которые внесены в этот сборник. Они наполнены любовью и душевной теплотой.

А Ирина Кушнир сама говорит о своем творчестве так:

«Сюжеты для моих рассказов приходят как гости – один неожиданно, среди ночи встаю и едва успеваю записывать, другие вьются надо мной, словно мотыльки – пока не запишу, они везде и всюду со мной, третьи – загадочные и немногословные, стоит немалых трудов, чтобы соединить воедино сюжетные линии. Бывает, что-то намечается, а я сомневаюсь – смогу ли, получится ли...»

Когда всё готово – тоже думаю, интересно ли будет читать...

Иногда героями моих рассказов становятся реальные люди – случайные попутчики, знакомые моих друзей. И чем больше я стала писать, тем больше сюжетов стала находить в самых обычных вещах-то фикус в окне за кружевной занавеской, то лоскуток ткани возле лап моей собаки, то строчка из песни. Много раз перечитываю готовый рассказ, как рассматриваю сшитую мной игрушку – так ли, как хотела, что скажут другие, понравится ли?..

Уверена в одном – каждому сюжету – мыслиобразу надо дать шанс, облечь его в слово и принести людям.»

Рассказы

Ирина Кушнир

Ирина Александровна Кушнир родилась в 1970 году в Киргизии, село Калининское (ныне город Кара-Балта). Детство и юность прошли в забайкальском Краснокаменске, в настоящее время живет в Чите. В школьные годы занималась в «Школе юных корреспондентов» при районной газете «Слава труду», где в разное время были напечатаны три статьи. Вдохновением к творчеству считает год работы в городской библиотеке 1 г. Краснокаменска. Дебютный рассказ опубликован в «Слове Забайкалья» в 2017 году.

Васильки в пшеничном поле

«Вот эта квартира... Как же бьется сердце!..Надо глубоко вздохнуть... и медленно выдохнуть... Зайду такая смелая, уверенная, представляю их растерянные физиономии... Валера, конечно, смутится, он не любит сцен... А как он со мной поступил?..» Извини, Вика, ты мне дорога, но я ее люблю. Давно. Но тебе не изменял с ней... Я ухожу. Сегодня. Прости, давно хотел, но не решался...» Я что-то орала ему вслед – по-детски обидные слова, размазывая по щекам горячие злые слезы... Выла долго, в подушку, чтоб не пугать соседей. Думаласердце остановится... Ничего, успокоилась, живу. Хочу посмотреть на эту разлучницу, на кого он меня променял... И на него... Любить не перестала, думала, что возненавижу, а сама по-прежнему люблю, до иступления. С Богородицей разговаривала, как с мамой, колени дрожат, слезы ручьем, и тут ответ пришел-не голос, просто ответ: " Любишь-люби, любовь не должна прекращаться...» Раньше не было таких мыслей, это Она, Пречистая, услышала меня... Что-то долго стою перед дверью. Так, без сцен, с достоинством, посмотрю на них и уйду...»

Вика решительно давит пальцем на кнопку звонка и отступает на шаг назад, губы мгновенно пересохли. Никого... Вот в глубине квартиры слышны быстрые шаги босых ног. Дверь широко раскрывается, по ту сторону – невысокая девушка, светлые русые волосы слегка заплетены в косу, и локоны ниспадают на плечи, спину. Глаза-бледно-голубые, как предрастветное небо. Щеки, короткая футболка и шорты измазаны разноцветной краской... Глаза на пару секунд встретились, девушка спросила: «Вы из галереи? Проходите, пожалуйста!» Через секунду милая смущенная улыбка: «Здравствуйте! Я тороплюсь, почти все готово. Не разувайтесь!»

Вика шагнула через порог, и, закрывая дверь, прошла, замороженная широким приглашающим жестом. Маленькая квартирка-студия, на стенах развешены как готовые в рамках картины, так и на кнопках эскизы. Вика глубоко вдохнула-запах краски, растворителя, засушенные букеты в вазах источали тонкий аромат. Через тонкую тюлевую занавесь проглядывали солнечные лучики и легкий ветерок играл бахромой.

«Гостя из галереи» опустила на предложенный стул и в упор разглядывала художницу. «Да, моложе... Художница... Моль бледная ....Сколько ей лет?» Но девушка не замечала этого взгляда, она что-то щебетала, показывала эскизы, приносила картины в подрамниках, какие-то ставила на мольберт и выгодно поворачивала к свету. Вика молчала, очень внимательно, демонстративно вглядывалась в «эту мазню», потирала пальцем кончик носа, играя сосредоточенность, и вдумчиво щурила глаза... – Хотите чая? У меня есть с мятой и сушеной малиной...

Не ожидая ответа, прошлепала босиком в кухню. Вика расслабилась и лениво скользила взглядом по стенам. Боком откинулась на спинку стула, глубоко вдохнула и закрыла глаза...

Обдувал прохладный ветерок, за окном-гвалт воробьев, детские голоса на площадке и звончки трамвая неподалеку...

«Как же хорошо!..» Вот опять шаги – и резко стихли. Девушка держала чашки и удивленно смотрела на гостью и почти прошептала: «Вам плохо?» Вика разозлилась на себя, что ее застигли врасплох, криво ухмыльнулась, мол, нет, ничего. Молча, бесшумно пили чай. Девушка вдруг встрепенулась, устыдившись: «Пойду переоденусь...» Но Вика резко встала: «Ну хватит!..» Девушка удивленно округлила глаза, а Вика снова отметила про себя: «Ну моль же... моль и есть...» Тут мелодично пропел звонок и девушка нерешительно пошла к двери. Через пару секунд услышала: «Тонечка, доброе утро! Я из галереи, я вам звонила, Наталья Александровна. Мне очень приятно!» Тонечка всё так же непонимающе тарачила глаза и спросила Вику: «А вы?..» «До свидания! – громко отчеканила Вика и быстро вышла за дверь. «Что он в ней нашел? Моль бледная...»

Шла по улице, глядя себе под ноги и бурчала что-то под нос, то глубоко вздыхая, то громко ухмыляясь, не замечая взгляда прохожих... Уже несколько дней находилась она в легкой задумчивости, вспоминала каждый взгляд, каждый шаг этой простодушной Тони, постепенно в памяти всплывали яркими пятнами наброски тыквы и кувшина, голубая прозрачность вазы и небрежные складки драпировки, туман над рекой. А однажды ей приснился сон, как будто Тоня ставит на мольберт акварельный рисунок васильков среди пшеничного поля, и говорит: «Это моя любимая, и маме очень нравилась... Она не продается...»

Вику дергала эта ситуация, но ни о чем другом думать она не могла, и только время спустя призналась чистосердечно самой себе, что никакая не разлучница эта Тоня, и ей очень понравилась квартира-мастерская – и картины, и множество эскизов – куда ни глянь, и запах масляных красок, и даже пыльные гербарии в вазах... И в другой ситуации они наверняка бы подружились, хоть она такая невзрачная-Тоня... И что Валера в ней нашел?.. «А вот нашел,» – вдруг возразила самой себе Вика. Она настоящая, другая, пусть моль, пусть бледная, а ты-то?.. Только и знаешь-рецепты в интернете искать, торчишь на кухне, блюда новые готовишь, а Валере мало этого было... ведь не хлебом единым... И опять подушка вбирала в себя горячие слезы и сдавленные рыдания...

Проснувшись утром, вдруг почувствовала что-то знакомое-ветерок едва колыхал шторкой, и тот же птичий гомон, и ей так захотелось снова туда, в Тонину квартиру, чтоб та снова показала ей свои картины и угостила чаем-с мятой и сушеной малиной... А тут другая Вика ей в ответ: «Давай! По Валере соскучилась? Тебя бросили, а ты таскаться теперь будешь в ту квартиру? Типа картинки интересные?..»

Вот и лето прошло, и осень пролетела, дожди сменились легкими заморозками. Вика успокоилась душой и сердцем, а во снах нет-нет да и всплывут Тонины картинки, особенно васильки в густой спелой пшенице, да так ясно, как будто только вчера видела.

Не зная как, привели ее ноги к дверям той квартиры, и не особо сопротивлялась Вика, захотелось снова взглянуть в Тонины глаза, окончательно понять – насколько хороша она для Валеры и действительно ли всё было так плохо в их жизни, что он решил уйти...

Дверь открыл Валера и удивленно вскинул глаза, ожидая бурной реакции бывшей жены. «Нельзя, что ли? – спросила Вика и вошла. «Валерочка, кто это?» – спросила Тоня и сразу вышла навстречу гостье. Через секунду ее глаза спросили: «Вы?» А вслух сказала:

– Здравствуйте! Проходите.

– Тонечка!.. Это Вика...

Тоня не подала виду, что узнала, и пригласила к столу:

– Хотите чая? С мятой и сушеной малиной?..

Хозяюшка мягко улыбалась и ласково смотрела на гостью. И только теперь заметила Вика Тонин округлившийся животик. Валерий перехватил ее взгляд и сказал:

– Мы ждем ребенка.

А бывшая жена, сумев подавить смятение, спокойно выпила чашечку травяного чая, так уместного в осенние холода, и встала из-за стола. Валерий взял Вику под локоть и у двери спросил: «Ты зачем приходила? Как ты узнала, что я здесь? Давай не будем волновать Тонечку...» «Мы не будем волновать Тонечку!» — ответила Вика, развернувшись, быстро вышла.

«Конечно, она моложе и родит...» И опять шла по набережной и бурчала, не замечая, что размазывает по лицу горячие соленые слезы...

А ночью-как будто для успокоения ей опять приснилась акварель-синие васильки среди спелых колосьев пшеницы.

Ближе к Новому Году, позвонил вдруг Валера-впервые, как расстались, и сказал:

– Вика, я в больнице, в хирургии... Да подожди, речь не обо мне, да послушай! Сходи, пожалуйста, к Тоне. Она плохо себя чувствует, скоро рожать. Бодрится, но несколько не умеет врать..

Может, ей что нужно?. У нас больше и нет никого-Тониной мамы давно нет... Сходишь? Я так благодарен тебе!

Благо, был выходной. И шла, торопилась Вика по знакомому адресу, и никто, ни одна живая душа не знает, никому не призналась она, как выследила своего Валеру. Как сыщик, шла по пятам любимого мужа, прячась за углами домов, презирая себя и оправдывая. «Довела» его до подъезда, а как квартиру узнать? Мальчуган рядом чинил велосипед, Вика уговорила его сходить узнать номер квартиры, потом, довольная, одарила его шоколадом...

Оказалось, простыла Тонечка, и побежала Вика в аптеку и за продуктами. Потом, уже в сумерках, вдвоем пили чай, Вика поглядывала на Тонин живот и уже не испытывала смятения, ей-то никогда не стать матерью, а Тонечка-словно младшая сестренка-больная, беззащитная, и...такая родная... С удовольствием приняла приглашение переночевать-в той самой комнате – с множеством картин на стенах, а приснилась ей одна-та самая – нежная акварель – васильки среди спелых золотых колосьев пшеницы...

Утром Вика хотела попросить показать ее, но в хлопотах подзабыла. Приготовила завтрак для себя и Тонечки, потом обед и отвезла Валере в больницу. И в таком ритме прошло две недели – работа, Тонечка и Валера.

Новый Год отмечали втроем, было по-семейному тепло и уютно не только в той самой квартире с картинами, но и в душе и на сердце. Когда обменивались подарочками, Тоня смущенно улыбаясь, сказала Вике:

– Вика, простите, не знаю, что вам подарить?

– А подари мне те васильки – в пшеничном поле! Они мне постоянно снятся.

Округлились Тонины бледно-голубые глазки, в изумлении ответила:

– Откуда вы знаете? Я ее никому не показывала ...Это мамина любимая...

Заочница

До станции оставалось несколько минут, Аня быстро накинула белую шаль, застегнула шубейку, через ручки сумки перекинула варежки. Сумка была тяжелой и пальцы быстро опухали. В тамбуре Аня спросила у проводницы, есть ли комнаты отдыха на вокзале. «А вас что, не встретят?» «Нет,» – ответила Аня. Проводница сказала, что не знает и посоветовала быть осторожней, мало ли преступников. «К одному из них я и приехала,» – хотела ответить ей, но не стала. Сойдя с поезда, еще не зная, куда ей идти, Аня заметила милицейскую машину, обитую железом с боковой раскрытой дверью. Машина явно ожидала пассажиров с наручниками за спиной...

Третий час ночи, морозный воздух заполнял измученные от вагонной духоты легкие. Немного потоптавшись, со вздохом поднимая тяжелую, словно уснувшую сумку, Аня пошла

к зданию вокзала. Комнат отдыха там не оказалось, только касса и комната для сотрудников милиции с «клеткой» для нарушителей.

Было холодно, двери постоянно открывались, мужчины в потертой промасленной одежде покупали билеты до ближайшей станции. Где и кем они работают, ее не интересовало, она думала о предстоящей встрече с Виктором...

Громко, четко отмеряли секунды настенные часы, хоть и отставали, и так же громко и резко сообщалось о прибытии и отправлении поездов. Аня подхватила всё еще спавшую сумку и вышла на перрон, доньшком сумки отсчитывая ступеньки. Набравшись смелости, спросила у мужчины, оказавшимся печником или истопником, как добраться до зоны, сказала, что к мужу едет в первый раз. Немного поговорили, затем он заметил кассиршу, и до комнаты отдыха, вернее, гостиницы, которую вызвались показать по пути, шли вместе. Аня постоянно отставала, и мужчина помог, только спросил: «Что там, кирпичи?» А они уже знали, куда она ехала, и кассирша за Аню ответила: «Харч.»

Гостиница находилась в большом деревянном доме, с порога дохнуло теплом и вареной в мундире картошкой. В комнате на несколько мест она оказалась одна. Вытянув ноги в постели, с наслаждением потянулась и уснула под шебуршание мышки под половицей.

Утром ей показали, где останавливается автобус, следовавший до зоны.

Вышла намного раньше времени: "Лучше я подожду, меня-то ждать не будут..." Кое-как перед собой протиснула сумку в узкие двери, в автобусе все места были заняты работниками ИТК. Со смущением, стараясь не смотреть по сторонам, ей все думалось, что высадят с таким багажом...

Ожидая краткосрочного свидания, Аня часто выходила и смотрела на заснеженный поселок, было холодно, мела поземка. Наконец-то всходило солнце, легко касаясь розовым светом сопки и крыши домов. Парнишка-дворник всё поглядывал на нее, потом подошел, поинтересовался, к кому она приехала. Фамилия для него была незнакомой, и он спросил: «А как он выглядит?» «Не знаю...» – пожал плечами Аня. «Заочница, что-ли?» – спросил как-то обрадованно. Кивнула ему устало: «Да.»

В ожидании своем Аня не раз пережила разочарование, сначала принимали передачи у тех, кто приехал на долгосрочное свидание, а не у нее, первой приехавшей...

Наконец, она зашла в небольшую комнату. У Ани вид был такой, что сжалившись, ей принесли чашку горячего чая, как же она была благодарна!..

И вот-привели его-приятный молодой человек, чуть младше ее, с бледной кожей и глазами бледно-голубые, но взгляд-полный надежды и нечаянной радости, глазами осмотрел ее всю-но не нахально, и ей было приятно...

Когда Аня коснулась его ладонью, его руки трепетно задрожали, пряча синие татуировки на фалангах пальцев.

Она тайком сняла с пальца тоненькое серебряное колечко и передала ему. Она уже знала, что будет ждать его, что, похоже, влюбилась в этого робкого юношу...

Потом Аня не раз приезжала к Виктору, и однажды приехала с сыном, мамой и отцом своего любимого-на регистрацию брака. Родные уехали домой, а она осталась со своим мужем на целых три дня!

Возвращаясь домой в общем вагоне, она не думала только об отце, который изначально был против. «Что она-хуже всех, не могла мужика найти в городе? Что вы творите???» – гремел он. Но сдался, смирился с решением дочери и поддержкой жены.

Полтора года пролетели, как сон, Аня жила ожиданием и его письмами... Счастья хватало на один месяц после его приезда. Виктор стал обижать ее сына, грубо хватал мальчугана за вихры, а тот, обиженный, прижимался к нему же... И Аня, как тигрица, налетала на мужа, и очень удивила его тем, что так же схватила его за еще не отросшие после зоны волосы и трепала, не давая сына в обиду. И Виктор однажды отыгрался над ней, раскидав по комнате ее же

письма к нему, их было столько, что они как опавшие с дерева листья ковром в беспорядке лежали на полу. Он что-то кричал, размахивая руками, пинал письма, расхаживая по комнате. У Ани подкосились колени, она опустилась на пол и медленно стала собирать их, гулко стучала кровью в висках. «Это всё!» – мелькнула мысль. Когда она собрала их все, Виктор толкал ее, вырывая из рук те самые письма, которые так ждал в заключении, и снова и снова они огромными снежинками падали на пол. Аня не сопротивлялась, позволяла обращаться с собой, как с тряпичной куклой. «Это всё!!!» – окончательно решила она. Дальше так жить невозможно, как изменился ее любимый! «Да он и всегда оставался таким!» – думала она бессонными ночами, прокручивая все события. Как же были правы работницы ИТК, принимавшие передачи, когда каждый раз говорили Ане: «Зачем вам это надо? Вы такая красивая женщина...» «Мысленно тогда она отвечала им: "А вы-то хоть любили в своей жизни?"» Как прав был отец, тысячу раз был прав!!!

Стыдно было перед родителями и соседями по даче, которых обворовал Виктор, принеся домой украденные ночью из теплицы помидоры, зелень с грядок: «Тебе нужны витамины!» А Аня уже ждала их ребенка...» Я ворованное есть не буду!» – кричала она...

Для нее было шокирующим открытием, что Виктор учит сына подворовывать. Начал пропадать сутками, она говорила, что если он уйдет, то может не возвращаться, но он уходил. Сколького же не знали ее родители, коллеги, подруга... Аня решила развестись, но отец не принял бы ее с двумя детьми, уже говорил, что если выбрала такого мужа-живи!.. А как возвращаться в отчий дом, глядя побитой собакой?.. И так отец скрипя сердце терпел ее, когда после первого развода они вернулись с сыном домой, было отказано в комнате в общежитии...

Беременность протекала так замечательно, она обнимала свой живот руками и говорила ребенку, что никому его не отдаст!.. В силу обстоятельств мама предложила прерывание беременности...

Сколько было пролито слез, Аня то вставала на учет, то сдавала кровь на аборт; наконец черный день настал, ни от кого не найдя поддержки, она отдала своего ребенка, нерожденного... Ушел из ее жизни каждодневный кошмар, она развелась с мужем, но то, что она сама отдала своего ребенка безжалостной вакуумной машине-это сжигало ее сердце, ее душу и ее жизнь каждую прожитую минуту. Это пламя ненасытно и теперь, спустя столько времени...

Я сидела потрясенная, слушая свою попутчицу, жадно ловила каждое ее слово и смотрела на ее лицо в тусклом свете вагона поезда, забыв о спящих пассажирах. Наверное, она почувствовала во мне благодарного слушателя, что поведала случайному человеку то сокровенное, что уже не вмещало ее сердце, возможно, некому было излить душу?.. Она как знала, что я не стану осуждать ее, а у меня в глазах заблестели слезы, я погладила ее по руке... Тут слова были лишними. Я прожила с ней боль ее жизни в ту ночь. Проводила ее до тамбура подав со ступенек сумку и долго смотрела из окна вагона ей вслед...

Будем жить!

Митрич проснулся, и, не открывая глаз, вслушивался, по привычке ожидая, что готовится завтрак, не звякнут ли негромко блюда, не шумит ли чайник... Не шумит... Не пахнет оладьями... И тишина-звонящая, напряженная...

В окна, с вечера не закрытые ставнями, уже светило щедрое сентябрьское солнце-бабье лето, золотые деньки, гвалт воробьев на ветках черемухи, да за калиткой глухо лаял соседский пес-для порядка, чтоб прохожие и не вздумали зайти во двор... Тихо-очень тихо... Повернувшись на бок, вдохнул со стоном-распухшее колено потревожил, нехотя Митрич открыл глаза... Что лежать, пора вставать... Не подаст больше завтрак Лидушка...

Лидушка... Заныло, заплакало сердце... Схоронил Митрич Лидушку – уж неделя как... Всё прошло, как будто не с ним-кладбище, похороны. Словно со стороны себя видел... Ел,

как подведут-посадят к столу, ложился спать, когда говорили-поспи, Митрич, отдохни, надо, надо... Зачем надо, кому надо... Так и сидел бы, вслушиваясь и не слыша-ни себя и никого вокруг...

Митрич потянулся за палочкой, встал с постели, прошел на кухню, не сгибая, щадя больное колено... Восемь утра, сейчас прибежит Верочка-сноха, принесет горячий завтрак. Худенькая, живая-всё спорится в ее руках, поможет одеться, накормит, говорит как будто сама с собой, не ожидая от старика ответа. А он смотрит на нее, слушает и сердце успокаевается. Уговаривали его переехать к сыну-в семью, и Верочке легче-тут же на месте, и народу больше... Но куда там, отказался Митрич-привык к своему дому, своему жесткому матрацу, говорил-«я как пес, буду спать в своей будке»... Не мог, не мог он уйти-даже на время из их с Лидушкой дома, где всё еще дышало ее присутствием-алоэ и гераньки она поливала в последний раз, заготовки на зиму-в холодильнике-она делала, вышивку начала-подсолнухи, и игла там же-всем не до того было, не убрали... Астры уж без нее расцвели, хоть и дожди были, а они квёлые какие-то, бледные, тоже хозяйку потеряли, она ж с ними разговаривала как с малятами-тихо, нежно...

В том году всё так же, а цветы пышней были... Оно и понятно-без Лидушкиной ласки... Вот и я, думал Митрич, так же захирею без моей Лидушки... Сел на завалинку Митрич, помял потихоньку больное колено, вдохнул полной грудью, оглядывая всё вокруг, как внове, будто после долгой болезни увидел он-голубое небо, золотятся тополя, еще цветут посаженные руками жены красно-оранжевые циннии, календула уж загибает коготочки, космея, вербена и еще много разных-всех не упомнить... И тут заметил он Белку-она лежала возле будки, исхудавшая, бока ввалились, и глаза ее смотрели скорбно.«Белка, Белка,» – позвал Митрич. Всё это время он совершенно забыл о ней. Не знал старик того, что собака отказывалась от еды, напрасно приносили ей лакомые кусочки и косточки-ничего не тронула Белка, лакала только воду изредка.«Белка, Белуся!» – опять позвал Митрич и сам пошел к ней, собака глянула снизу вверх, едва качнув хвостом, но не встала. Жалели ее старики, не сажали на цепь, в жуткие морозы спала в теплых сенях, соседи говорили, мол, уж очень вы очеловечиваете собаку, еще в дом заберите...

Пусть говорят! Сами бы вырастили двухнедельного подкинутого щеночка, кормили с пипетки-по ночам вставляли, посмотрел бы тогда Митрич-стоит ли сажать такую красавицу – бежево-желтую, добродушную, ласковую-на цепь... Наклонился он, погладил по голове, по морде, тронув пальцем сухой черный нос..Исхудала Белуся, что же ты?...Лапки вон какие, тонкие стали...

Глянул Митрич-меж передних лап Белки тряпица голубая, расцветка знакомая. Потянул, а это косынка Лидушкина! Всегда надевала, когда огородными делами занималась... Нашла Белка косыночку, при себе держала, хозяйкин запах вдыхала... Брызнули слезы неожиданно, присел Митрич, и про больное колено не вспомнил, приобняв голову собаки, судорожно хватая воздух, гладил ее:» Белка, Белочка, Белуся... одни мы... без Лидушки...»

Долго еще сидел возле собаки Митрич, а она, положив голову на то самое больное колено хозяина, смотрела на него глазами, полными горя... – Как-то надо жить, Белуся... И есть надо, а ты ешь, не отказывайся, поняла?..Мне тоже плохо, не хочу жить без Лидушки, а живу... Надо жить... Будем жить, Белуся, поняла? Будем!

О чем молчала собака

Утром выходного дня Ниночка проснулась от того, что на нее взобралась Муся-ее любимица. Проголодавшись за ночь, она решила поторопить хозяйку с пробуждением. Терпеливо подождав, пока Нина со сна потянется, Муся побежала первой к холодильнику, смешно семеня лапками в белых» носочках».

Отдав кошечке последний кусочек рыбки, девушка решила после завтрака сходить в эконом-магазин, где эта рыба и недорогая, и всегда свежая.

Морозное декабрьское утро, туманное и уже шумное. Много машин на дорогах, куда ни глянь-продают елки – и срубленные, и искусственные. И настроение у Нины-какое-то безпричинно-радостное, она торопливо шла в магазин дворами, и тихонько чему-то улыбалась.

Вот на углу дома – "Картинная галерея". Громко сказано-галерея, всего-то три небольшие комнаты. Нина была там всего раз, когда в город приезжал малоизвестный китайский художник. Вдохновленная проведенным им мастер-классом, Нина начала рисовать, заказывая одной знакомой привезти из Маньчжурии тушь и специальные кисти, а бумагу нужную она купила в художественном салоне.

Всем подругам раздарила она свои миниатюры-в рамочках и без, особенно начинающей художнице удавались картины с изображением бамбукового леса, тумана над водопадом.

Ниночка глянула на вывеску и прошла мимо. «Может, зайти?...Нет, в другой раз... А когда же? С рыбой я точно не пойду на обратном пути...»

И, круто развернувшись, пошла к галерее. Ранней посетительнице обрадовались, она оказалась первой и единственной в этот час. Не спеша, Ниночка переходила от одной картины к другой. Художник-Александр Мелехов, иногородний, вот и его автопортрет – ничего так мужчина, с бородкой геолога, глаза... Она не могла понять, что в этих глазах-спокойные, смотрят так, как будто слушают тебя... Отойдя немного, снова вернулась к автопортрету... Нет, она не могла видеть его раньше...

Глянув на следующую картину, забило сердце, где-то она уже видела эту собаку. Положив голову на скрещенные лапы, собака смотрела снизу вверх, в зрачках-как будто отображается ночное небо с созвездиями, и подпись – "Ночная гостья. Холст. масло.2008».

И опять возвращалась Нина то к портрету, то к собаке, хотя было немало замечательных пейзажей – заснеженный кедровый лес отсвечен розовым восходом, припорошенные инеем птицы, спят на ветке, далекие голубые горы, деревенские домики, наполовину занесенные снегом... Каждая картина написана то наплывами, то с тщательной прорисовкой мелких деталей. Но собака-она чем-то притягивала к себе. «И все же – где я могла ее видеть?..» – мучительно вспоминала Нина. Эти собачьи глаза постоянно вспоминались ей. Через три дня после работы, перед самым закрытием, она снова была в галерее. Несколько посетителей рассеялись по залам, а Нина сразу пошла к «Ночной гостье». Теперь уже внимательно она разглядывала каждый мазок, каждое направление кисти, как будто мысленно рисуя...

«Вам нравится?» – Нина нехотя повернулась на голос. Рядом стоял молодой мужчина, скользнув взглядом по его лицу, а потом на портрет, догадалась-это был сам художник-Александр Мелехов. Нина не успела ответить – попросили на выход, галерея закрывалась. Ожидая ее возле гардероба, и открывая перед ней двери, спросил: " Вы не торопитесь? Можно вас проводить? «Нина кивнула.

– Я заметил, что вы долго стояли возле собаки...

– Знаете, я как будто видела ее раньше...

– Я впервые выставляю свои работы... А про эту картину я вам вкратце расскажу... Как-то мне приснился сон, что поздней ночью в дом тихо зашла большая собака. Я не был испуган, наблюдал, что будет дальше. Она долго смотрела на меня, потом уронила голову на лапы и устало закрыла глаза. Такое ощущение, что она меня долго искала и вот теперь нашла. Я подошел погладить ее, она открыла глаза, не подняв головы. Такой я ее и изобразил...

Пораженная Нина произнесла: " Вы не поверите, но она мне тоже снилась, только я уже забыла ... Просто удивительно, что мой сон увидел и нарисовал другой человек...» Александр удивленно покачал головой: «В это действительно трудно поверить...» Какое-то время они молча шли рядом, и Нина спросила: " А где вы остановились? Вы сами найдете дорогу?» Моло-

дой художник мягко улыбнулся: " Я жил здесь раньше, после аварии были проблемы со здоровьем, и я переехал к родителям в Иркутск...»

На прощание Ниночка сказала: " Приятно было познакомиться! Я не догадалась сфотографировать... нашу собаку.» Александр спросил: " Вы есть в соцсетях? Я вам скину фото!»

Потом молодые люди долго переписывались, Ниночка была влюблена в него, но усилия воли-не давать перерасти этому чувству в более большое и высокое, ни к чему не приводили, Александр был женат. Чувство девушки было светлым, но невероятно грустным...

Вечерами она долго сидела перед копией той картины, которую подарил ей Александр. Ниночка грустно улыбалась, и не могла прогнать от себя наваждение, что есть какая-то неразгаданность, какая-то тайна, что-то хочет сказать эта нарисованная собака взглядом своих умных глаз...

Прошло еще несколько месяцев, переписка с Александром то затихала, то возобновлялась, и Ниночка уже не тешила себя надеждой на взаимность.

А однажды, одним седым морозным утром в лор-отделение, где она работала медсестрой, зашла знакомая-перевязочная медсестра из отделения хирургии, и с порога, поздравив со старым Новым Годом, на ходу крикнула: " Ты знала, что Мелехов, которому ты кровь сдавала, ну который на машине разбился, он же теперь знаменитый художник!»

«Зависть»

Кошка отчаянно барахталась в клеенчатой сумке, стараясь выбраться. Старуха приоткрыла край сумки, высвобождая голову кошки. А она тарасила огромные испуганные глаза, озираясь вокруг, но старуха надежно удерживала ее, поглядывая в окно автомобиля. «Рано, еще подальше,» – чуть слышно шептала она, поглаживая заскорузлыми желтыми пальцами серую шерстку кошки.

Далеко за городом, где начиналась лесополоса, старуха велела водителю притормозить. Автомобиль заехал на обочину, высокие заросли лебеды скрывали кусты акации, сильно, горько пахло полынью. Пассажирка приоткрыла дверцу и вместе с сумкой выбросила кошку в пыльную вялую траву. «Давай обратно,» – шумно выдохнула она, сильно хлопнув дверцей. Водитель усмехнулся, глянув на нее в зеркало заднего вида, но промолчал. А старуха за все время обратного пути щурила глаза и кривила губы, злобная радость распирала ее. Водитель всё поглядывал на нее, и стараясь избавиться от неприятной пассажирки, превышал скорость. «Э, не гони!» – один раз ткнула его пальцем в спину.

Возле дома, корячась, кое-как вылезла из машины, пряча деньги в карман мятой юбки. Водитель не взял с нее денег, хотя старуха настойчиво протягивала смятые купюры. «Ну и шут с тобой,» – пробормотала она и поплелась к подъезду. Ее соседка, одних с нею лет, кого-то искала, заглядывая за скамейки, кусты сирени, иногда подзывая свою пропажу: «Кис-кис-кис! Зайка, Зайка!..Где ты?..» Старуха кивнула на приветствие соседки: «Доброе, Катерина, доброе...» А мысленно шипела: «Ищи-свищи свою Зайку!»

Катерина уже в спину спросила: «Лизавета, ты не видела Зайку?» «Нет,» – не оборачиваясь ответила та...

Долго ковыряла ключом в замке непослушными пальцами, первым делом заварила чай, достала из пакетика белоснежный зефир, нарезала вареной колбаски. Включив телевизор, позавтракала. Вот и новости закончились, и ток-шоу после них было захватывающим, а мыслями Лизавета-Елизавета Максимовна возвращалась к несчастной кошке. «Вои и поделом вам!» – всё же упрямо твердила самой себе, подавив минутную жалость...

За несколько прошедших дней уже весь дом знал, что пропала серая кошка Зайка, любимица Екатерины Борисовны. Всем нравилась ласковая кошечка-за большие желто-золотистые глаза и грациозную походку, мягко ступая, она крючком изгибала хвост, словно задавала

вопрос. Терпела ребяташек, их жаркие хватающие ручки; ласкалась, обтирая головой мужские брючины, оставляя серые волоски шерсти. С ней можно было поговорить, не отводя своих золотых глаз, она внимательно слушала, слегка водила ушами, и изредка коротко мыркала...

То и дело слышала Елизавета Максимовна, как к ее соседке Катерине подбегали ребята и говорили, что возле школы Зайки нет, и вроде похожую видели на дачной остановке, но она не откликнулась... Чтобы быть в курсе, Максимовна чаще стала выходить во двор, отмечая, кто что сказал или видел.

Вот и месяц был на исходе, наступал сентябрь. Во дворе дома золотые листья сердечками оброняли березки, рябина наливалась тяжелыми гроздьями. О пропавшей кошке уже вспоминали реже, и старуха Максимовна скучала на скамейке в одиночестве.

К ней никто не подсаживался, зная ее ворчливый характер, о чем бы с соседками не шел разговор, она всегда негативно критиковала, вставляя едкое словечко...

Но в одно утро присела к ней Катерина, достала из пакетика хлебные крошки и пшено, воробьи и голуби привычно слетались, толкаясь и ловко выхватывая из-под клюва товарища лучшие кусочки. «Кыш!» – хотела махнуть рукой Максимовна, а Борисовна тихонько смеялась: «Всем хватит!» Но вот пакетик опустел и птицы постепенно разлетелись по своим делам, голуби, словно куры, гуляли по траве, а воробьи устроились неподалеку на ветвях, вдруг еще что перепадет.

Екатерина Борисовна закуталась в палантин, прикрывая шею, и стала тихо, не глядя на соседку, рассказывать, как ей одиноко без Зайки, она ведь лечила ей спину, ложилась поперек теплым ковриком, то устраивалась на подушке сверху серой шапочкой, и боли отступали, она потихоньку засыпала, и за ночь ни разу не просыпалась, хотя спит очень чутко. Потом повернулась к Максимовне, и, уже улыбаясь, делилась воспоминаниями о Зайке. Ее глаза светились, а собеседница-эта ни с кем не уживчивая Максимовна, одинокая, брошенная мужем спустя два года после свадьбы, и сыном-после службы в Армии он не вернулся домой, остался в далеком Казахстане, лишь изредка присылая открытки к праздникам, – что-то дрогнуло в ней, словно щелкнули «включить». И шевельнулось прежнее чувство зависти к Катерине, разъедающее душу и отравляющее сердце, – за то, что к этой размазне Катерине тянутся люди, ее обожают внуки, и невестка попалась невредная, и сын постоянно с полными пакетами из гастронома приезжает, и даже с кошкой ей несказанно повезло-прямо целительница!.. Почему кому-то всё, и кошка в придачу, а кому-то пустой дом, без детского смеха и шумного застолья, даже цветы сохнут?!

«Пошла я...» – тут же встала Максимовна, чтоб Катерина не увидела слез в уголках глаз, и поковыляла домой. С вечера никак не могла уснуть, и ночью проворочалась, в груди где-то собирались слезы, от обиды-на всех, мужа вспомнила, уехал тайком, не объяснившись, даже не остановило то, что ребеночка ждала, уж шевелиться начал; на сына, что много работала, чтоб одной поднять ребенка, не устроила она свое женское счастье, а он...отслужил и не приехал... Она-то и деньги на костюм ему отложила, и ждала, как никогда, соскучившись... Сколько лет прошло, тоже, поди, внуки есть, а она и не нянчила их, не брала на руки... Поглядела на свои руки Максимовна, и вздох разрыдалась, сиплым старческим голосом, задыхаясь, пугая тишину одинокого дома...

А ранним утром, со спокойной уверенностью, торопясь, вызвала такси и снова поехала по знакомому маршруту, вглядываясь в кусты-не мелькнет ли серая шерстка?..Обратно ехали медленно, глаза устали высматривать, она рассчиталась с таксистом, и пошла пешком...

«Где же ты есть, Зайка?..Найдись, прошу тебя!..Прости меня, Господи!..»

Старуха шла и бормотала себе под нос, уже не глядя по сторонам. Вот подошла к придорожному киоску, невдалеке загорелые, будто копченые нерусские продавцы раскладывали товар-большие полосатые арбузы, запахло переспелыми дынями. Старуха уже проходила мимо, а они, устанавливая допотопные весы, позвали ее:

«Уважаемая! Купи арбуз! Или дыню! Недорого! Как для себя выберу!»

«Зачем мне арбуз?» – подумала «уважаемая», но остановилась.

«Нельзя ли присесть?» – спросила и оглянулась в поисках хоть стульчика, хоть ящика.

«Садись, бабушка, воды надо?» – уже тянули ей бутылку с водой.

Не разбирая, что там за вода, выпила много, жадно, крепко держа бутылку скрюченными пальцами. Села на старый, затёртый стул, вытянула ноги, прижав к бедру старую сумку. Оглядела гору арбузов-большие, полосатые, кое-где желтый бочок, как надо-сам дозревал, этим бочком на земле лежал; а дыни-«торпеды» узбекские-желтые с коричневой сеточкой, шершавые, спелые, аромат какой!..

«И вправду, взять маленькую?» – и рот уже набился слюной, как будто уже вкусила дынную мякоть. Прошлась вдоль длинного прилавка, сколоченного из досок: «Сама выберу...»

Но вот прилавок в три ряда закончился, а маленькой дыньки так и не нашла – все большие-по пять-семь кило ...Скользнула взглядом по коробке из-под бананов, и тут же вспотела-в ней спала, свернувшись клубочком, серая кошка.

«Зайка, Зайка!» – позвала старуха.

Кошка сонно щурила глаза, но вот от знакомого имени они широко раскрылись и золото словно вспыхнуло в них! Она коротко мыркнула и лежа потянулась. Это точно была Зайка! Максимовна наклонилась и скрюченными пальцами осторожно взяла кошку, прижав к себе, сказала торговцам:

«Это моя кошка! Нашлась! Это моя Зайка!...» Торговцы смотрели вслед счастливой бабушке, и уже не предлагали ей свой товар, а ее радость отозвалась на их смуглых, обветренных лицах.

Валентина Гуляева

[20.03.2018 12:41] Валентина Гуляева (Зайкова): Родилась, училась, жила и живу в Забайкалье. Работала учителем трудового обучения. После выхода на пенсию решила освоить профессию писателя. Пишу в основном рассказы и миниатюры о судьбах людей. Также пытаюсь раскрывать темы по истории, краеведению и литературоведению Забайкалья.

Вернулась к жизни

Я свою маму в шутку называю дочерью огня. Она действительно как огонь живая, стремительная, быстрая, сильная, всех согревающая. Однако, при желании может и обжечь, такой уж у неё характер. От этого характера мне частенько доставалось в детстве.

Помню такую сценку. Мы с братишкой за столом. Братишка издаёт чавкающие звуки. Для меня же такие звуки как красная тряпка для быка. Почти с пелёнок, считаю то, что хорошо для домашних хрюкающих, не хорошо для человека.

Ведь все – таки, человек в своем развитии стоит намного выше животных.

Предупреждаю брата несколько раз, всё тщетно.

Мой взгляд случайно падает на вазочку с колотыми кусочками сахара. Машинально выбираю крупный кусочек и запускаю его...

Что было! Огромная шишка на лбу включила такую дикую сирену брата, что прилетела как метеор мама.

Тут уж улепётывать пришлось мне. Она гналась за мной по улице как разъярённый огонь. Но я – то тоже не промах, бегала быстрее её, а иначе как спасти свои волосы, если они попадут под горячую руку мамы. Отсидевшись у друзей, я, возвращалась домой зная, что за это время мама успокоится.

Когда мы все стали взрослыми и жили своими семьями, мама начала вдруг слепнуть.

Это было катастрофой и для неё и, для нас.

Она заявила, что не хочет больше жить...

Она, словно угасала.

Везу её поездом в областной центр на операцию и стараюсь вернуть к жизни, отвлекаю от грустных раздумий, но всё безутешно.

Приезжаем в стационар и вот первая радость! Нас встречает Вера Александровна! Верочка работает старшей медсестрой – хозяйкой, она наша односельчанка и если хорошо разобратся родственница. Вера окружила маму такой заботой, что у неё затеплилась надежда на лучшее.

Маму начали готовить к операции.

Лежала она вдвоём в палате с женщиной, которая почти ничего не видела, операции не подлежала, её просто подлечивали. Я уже не помню её бурятского имени, кажется звали её Радной.

Но самое интересное было в том, что она сразу – же полюбила маму. Она так и сказала:

– Я тебя полюбил, ты хороший!

Радна русский язык знала слабовато, но в общении это придавало такой шарм, что я часами любила наблюдать за ней, а слушать её было просто удовольствием. Эта женщина рассказывала маме истории из своей жизни и смешила, смешила маму:

– В молодости, я был красивый и весёлый женщина. Плясал, песни пел и пилядовал! Ух, как пилядовал! Посмотри на моих внучек!

После таких слов мертвый бы развеселился!

Мама на второй день уже улыбалась.

Мы наблюдали за внучками Радны. Таких красавиц я, отродясь, не видела! Картины бы с них писать. Все как на подбор! Природа видимо лепила их божественной рукой. Радна рассказала также, что муж у нее был жестокий и она мстила ему именно за это. Она не выпускала из рук чётки и постоянно молилась. Что меня поразило, сама была фактически обречена, но при этом ни стонов, ни жалоб. А как она умела создать весёлую обстановку в палате, уму непостижимо.

Операция прошла успешно, мама стала хорошо видеть. Когда её выписали Радна на прощание заплакала и все переживала, кого ей в палату положат...

Буквально на второй день мама попросила сопровождать её в магазины. Что было! Она начала покупать всё возами! Я её спрашиваю:

– Интересно, кто всё это повезёт?

Она, не моргнув глазом, отвечает:

– Ты повезешь!

В общем, когда мы возвращались домой, я была нагружена как тягловая лошадь.

Приехали домой.

Я уже забыла (прошло с тех пор много лет), что ей тогда сказала, а она мне в ответ:

– Не командуй! Я теперь дома и здесь хозяйка я!

Естественно, мои все покатались со смеху, поняли, мама вернулась к жизни.

Зеленая папка

Однажды, с полки мне под ноги свалилась зелёная папка. Собирая листочки, обнаружила в них краеведческий материал, собранный восемь лет назад по библиотекам. Тогда этот материал помог дочери получить диплом победителя краевой олимпиады «Проходной балл». Получив аттестат и приложив к нему диплом, она на льготных условиях поступила в университет.

Представляю вам некоторые записи, в них осмыслен и обобщен только краткий период. Период из истории с момента освоения края русскими землепроходцами.¹

С чего начинался наш край, его прошлое, настоящее, будущее

Освоение края за Байкалом, прежде всего, было в интересах Русского государства. Страна нуждалась в новых земельных и лесных угодьях, драгоценных металлах, ценных мехах. Серебро нужно было для изготовления денег, деньги чеканились из немецких талеров. Ценные меха шли на экспорт для пополнения государственной казны.

Также сокровенная земля за Байкалом притягивала к себе русских людей с сильным желанием освободиться от крепостной зависимости и жить вольно.

Ещё во времена правления Ивана Грозного, богатые русские купцы Строгановы успешно вели торговое дело на окраинах страны, рядом с территорией, находящейся во владении Сибирского хана Кучума. Воины Кучума своими набегами вредили налаженному делу торговли, чем сильно раздражали купцов. Тогда купцы Строгановы снарядили казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем в поход против хана. На берегу реки Иртыш произошла битва, вой-

---

¹ Источники: Константинов А. В., Константинова Н. Н. «История Забайкалья» (с древнейших времён до 1917 года) – Чита, 2002. – 247 с., О.А.Димов «Даурское диво» – Чита: Поиск, 2007. – 256 с.: ил. И другие.

ско Сибирского хана было разгромлено отважными казаками, а Сибирь присоединена к Русскому государству.

После этого, лет через пятьдесят, казаки откроют землю за Байкалом, которую назовут красивым именем Даурия. Даурия в современном понятии представляет из себя один из трёх природно-хозяйственных районов (юго-восток) Забайкальского края.

Современная территория за Байкалом включает в себя пять объектов: Республику Бурятия, Забайкальский край, Республику Саха – Якутия, Амурскую область и Дальневосточный край.

Забайкалье – земля, простирающаяся от Байкала до Амурской области, разделённая Яблоновым хребтом на две части: Западное и Восточное.

На землях Западного Забайкалья, чаще называемого Прибайкальем, раскинулась Республика Бурятия (центр – Улан-Удэ). Ранее Бурятия называлась Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика (Бурятская АССР), ещё ранее Бурят – Монгольская АССР.

А ещё ранее в Прибайкалье проживали монголоязычные племена: баргуты, баяуты, хори – туматы, булагаты, эхириты, которые составили основу бурятского народа. Название «буряты» монголоязычному населению Прибайкалья и Забайкалья дали русские по приходу в край в XVII веке.

А история названия такова – В XII – XIII веках в Приангарье обитало тюркоязычное племя бурутов, когда буруты смешались с монголами и приобрели их черты, Енисейские татары стали называть их «пыратами». Русские слово «пыраты» переименовали в «браты», «буряты».

Бурятский народ, как новая этническая общность, сформировался к концу XIX века. Бурятский народ это сплав племён и групп, в него вошли как собственно монголо-бурятские племена (булагаты, эхириты, хондогоры, хори), группы монгольских племен (халха-монголы, ойроты) и тюркских (булагаты), а также частично тунгусские роды.

На землях Восточного Забайкалья располагается Забайкальский край (центр – Чита). Начиная наш край с Нерчинского острога, выстроенного отрядом казаков под руководством Михаила Урасова в 1653 году. В 1655 году, по указу царя Алексея Михайловича, в Нерчинский острог прибыл воевода Афанасий Филиппович Пашков с отрядом в 600 воинов, было образовано Нерчинское воеводство, а Нерчинский острог стал его административным центром.

Через 36 лет, с момента образования, Нерчинский острог развивается и получает статус города Нерчинска (1689 год). В 1783 году Нерчинск становится центром Нерчинской области. Во второй половине XVIII века вдоль забайкальской границы располагались семь крепостей (Горбиченская, Цурухайтуевская, Чиндант – Турукаевская, Акшинская, Кударинская, Троицко – Савская, Харацайская) и 56 казачьих караулов. Из русских казаков, тунгусов и бурятов были сформированы казачьи полки, из которых было образовано Забайкальское казачье войско (около 3,5 тысяч человек), в связи с этим в 1851 году, образуется Забайкальская область, город Чита становится её центром, а Нерчинск становится окружным городом.

В 1923 году Забайкальская область делится на Бурят – монгольскую АССР и Забайкальскую губернию. В 1926 году Забайкальская губерния преобразуется в Читинский и Сретенский округа в составе Дальневосточного края. В 1930 году округа ликвидированы, а районы

стали подчиняться Восточно – Сибирскому краю. 26 сентября 1937 года образована Читинская область. Из Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа 1 марта 2008 года образован Забайкальский край с центром Чита. Период от основания острога до образования края укладываемый в 355 лет, это, прежде всего, труднейший путь, пройденный русским народом.

Освоение края русские начали с конца 30-х и до начала 50-х годов XVII века и завершили в первой трети XVIII века. Это были времена правления Михаила Фёдоровича (1613 – 1645), Алексея Михайловича (1645 – 1676), Петра Алексеевича (1682 – 1725) Романовых. Михаил Фёдорович взшёл на престол в начале 1613 года (ему было шестнадцать лет), управлять государством ему помогали бояре и вельможи, а также его отец, Фёдор Никитич постриженный в монахи под именем Филарета (по милости Бориса Годунова) и ставшего после возвращения из польского плена патриархом Московским и Всея Руси.

Им вместе пришлось решать трудные задачи, как внешние (военные) – перемирие с Польшей и Швецией, так и внутренние (домашние) – окончание гражданской войны. После смутного времени страна была разорена и лежала в руинах. При Алексее Михайловиче владения России расширились на западе и на востоке.

При Петре Алексеевиче в 1704 году было выплавлено первое чистое отечественное серебро в Култукском руднике и в последующие годы из Нерчинского завода в Москву шли крупные поставки драгоценного металла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.